

Д. И. Беспаленко

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

Аллюзии на судьбу и текст Достоевского в «Пути небесных» И. С. Шмелёва

Беспаленко Д. И. Аллюзии на судьбу и текст Достоевского в «Пути небесных» И. С. Шмелёва. Статья посвящена исследованию рецепции текста и судьбы Ф. М. Достоевского в романе И. С. Шмелёва «Пути небесные». В статье рассматривается взаимосвязь героев романов Достоевского с персонажами произведения И. С. Шмелёва. Вместе с тем в исследовании обращено внимание на то, каким образом мировоззрение Достоевского и события его жизни повлияли на обращение И. С. Шмелёва к традициям духовной литературы.
Ключевые слова: рецепция, Достоевский, Шмелёв, персонаж, мировоззрение, интертекстуальность.

Беспаленко Д. І. Алюзії на долю і текст Достоевського в "Шляхах небесних" І. С. Шмельова. Стаття присвячена дослідженню рецепції тексту і долі Ф. М. Достоевського в романі І. С. Шмельова "Шляхи небесні". У статті розглядається взаємозв'язок героїв романів Достоевського з персонажами твору І. С. Шмельова. В той же час в дослідженні звернена увага на те, яким чином світогляд Достоевського і події його життя вплинули на звернення І. С. Шмельова до традицій духовної літератури.
Ключові слова: рецепція, Достоевський, Шмельов, персонаж, світогляд, інтертекстуальність.

Bespalenko D. Allusions on a fate and text of Dostoevsky in "Heavenly Ways" I. S. Shmelyova. The article is sanctified to research of reception of text and fate of F. M. Dostoevsky in the novel of I. S. Shmelyov "Heavenly Ways". In the article intercommunication of heroes of novels of Dostoevsky is examined with the personages of work of I. S. Shmelyov. At the same time in research paid attention to that, how world view of Dostoevsky and event of his life influenced on the address of I. S. Shmelyov to traditions of spiritual literature.
Keywords: allusion, Dostoevsky, Shmelyov, personage, worldview, intertextuality.

Среди писателей-классиков, оказавших влияние на творческое становление И. С. Шмелёва, едва ли не важнейшая роль принадлежит Ф. М. Достоевскому. Говоря словами Дм. Мережковского, Достоевский является одним из «вечных спутников» И. Шмелёва [10:174]. Данное обстоятельство впервые было отмечено дореволюционной критикой, которая увидела в «Человеке из ресторана» (1911) сходство с «Бедными людьми» (1848). В «Человеке из ресторана» Шмелёв наделяет Скороходова достоинствами лучших героев Достоевского: умением ждать, терпеть и прощать [10:174]. Одними из первых об этом заявили А. К. Бороздин, А. А. Бурнакин, В. Л. Львов-Рогачевский. В период эмиграции о влиянии Достоевского на Шмелёва писали Г. В. Адамович, А. В. Амфитеатров, Б. К. Зайцев, Г. П. Струве и др. Г. В. Адамович отмечал, что «из всех русских писателей Шмелёву самый близкий – Достоевский, и он многое у Достоевского заимствовал, многому у него научился» [4:207]. Главными чертами, которые Шмелёв унаследовал у классика, критик назвал чутье к людским страстям и страданиям. Впоследствии эту точку зрения развил И. А. Ильин, утверждавший, что «Шмелёв, подобно Достоевскому, есть ясновидец человеческого

страдания» [4:208].

Поэтика последнего романа И. С. Шмелёва «Пути небесные» неоднократно становилась предметом исследования литературоведов. Прежде всего, учёных интересовала новизна в области жанра (духовный роман), степень продуктивности такого художественного опыта. Подробно исследовалась также проблема классических традиций в романе И. С. Шмелёва, его творческое взаимодействие с Толстым, Достоевским, Лесковым, авторами антинигилистических романов.

В. В. Абашев справедливо назвал «Пути небесные» «синтетической цитатой русской литературы»: цитируются ситуации, описания, цитаты «подсвечивают» образы персонажей [4:210]. Герои погружены не только в гущу русской жизни, сколько в стихию литературы (Достоевский, Толстой, Фет, Пушкин, Тургенев). Интертекстуальность намечает полемику с одним из основных метасюжетов классической литературы XIX века: революционно-ориентированный интеллигент просвещает тёмное сознание патриархальной барышни. Событийный пласт романа формируется не столько жизненными закономерностями, сколько диалогом Шмелёва с литературными предшественниками. [5:172].

И. С. Шмелёв ведет диалог с Ф. М. Достоевским, обращаясь не только к романам, но и к малой прозе писателя. Как подтверждение данной точки зрения, обратимся к рассказу «Кроткая» и его реминисценциям в тексте романа «Пути небесные». В рассказе Ф. М. Достоевского появляется особенность, характерная для всех произведений писателя, написанных в 1860 – 1870-е годы. Они строятся на оппозиции «эгоцентрист – альтруистическая личность». [7:130]. Встреча непосредственного существа, которое отличается цельностью и отсутствием самоанализа, с рефлектирующей и исполненной движения мысли личностью – одна из главных тем в литературе 19 века. И у И. С. Шмелёва, и у Ф. М. Достоевского изображена встреча кроткого существа с индивидуалистом. Как в «Кроткой», так и в «Путьх небесных» присутствует мотив движения как результата встречи непосредственности с рефлексией. Как пишет в своей статье В. Б. Мусий: «Движению подвержена не непосредственная личность, - ее характер как раз остается статичным – а рефлектирующий герой-индивидуалист» [7:132]. Соня Мармеладова ведет Раскольников к воскресению не высказываниями убеждений, а «всем существом своим, эмоционально <...> больше взглядом, жестом, прикосновением <...> открывая тем самым ему его самого с новой, не знаемой им прежде стороны» [7:130]. В «Кроткой» не ростовщик пробуждает ум непосредственного существа, внося в него скептицизм и жажду бунта, а, напротив, героиня заставляет его обуздать в себе гордыню и сделать шаг к непосредственности на пути к единству с человечеством. У Шмелёва мы отмечаем взаимное влияние характеров Дариньки и Вейденгаммера. Если Даринька на примере собственного поведения учит Виктора Алексеевича кротости и смирению, то он, наоборот, искушает её. Вопреки логике развития личности, соответствующей логике исторического процесса, в произведениях Ф. М. Достоевского, так и в романе Шмелёва происходит не отход от непосредственности к рефлексии, а, напротив «парадоксалист» нуждается в «кротости», чтобы обрести возможность преодоления абсолютного разлада с миром.

Эстетические поиски И. С. Шмелёва в эмиграции увенчались созданием духовного романа, специфика художественного мира которого связана со стремлением писателя «обожить» литературу. Чертами новой эстетики отмечены пространство и время «Путьх небесных».

Заявленный в названии романа мотив пути организует повествование, определяя сюжет и отношения между героями. Духовное возрождение как смысловая доминанта указанного мотива

предопределяет сложность хронотопа. В этом и обнаруживается глубокое родство с творчеством Ф. М. Достоевского, в произведениях которого пространство и время всецело подчинены изображению духовного движения героев.

Многоуровневая пространственно-временная организация «Путьх небесных» замкнута сценами ночного откровения и оттенена соответствующей временной лексикой («тогда» - «теперь»). Пространственная и временная полифония побеждается темой обретения веры в финале романа, но на протяжении повествования интересующие нас категории адекватно отражают принципиальные различия мировосприятия героев. Сложное взаимодействие вертикального, горнего, и горизонтального, земного пространства, календарного времени и вечности составляет динамику романного хронотопа.

Указанные особенности художественного мира «Путьх небесных» - отзвук творчества Ф. М. Достоевского, у которого хронотоп всегда «завязан» на героях. Преодоление монологического авторского слова в многоголосии пространственно-временных отношений также идёт от классика.

В литературной традиции до И. С. Шмелёва изображение вертикального и горизонтального пространства встречается в творчестве Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого. Однако наибольшее влияние на автора «Путьх небесных» оказал опыт Ф. М. Достоевского.

Вертикаль представляет собой характерную черту для всего мировидения Достоевского, бездна и небо в душе героев – все это располагается по вертикали. Вертикальный тип пространственности у Достоевского свойствен Соне Мармеладовой (грешная жизнь – свет евангельских истин), Алеше Карамазову, Смешному человеку, у Шмелёва – Дариньке (реальный мир – прорывы в область духовного), матушке Агнии, Настеньке; Раскольников, Шатов, Дмитрий Карамазов существуют в горизонтальном пространстве до тех пор, пока страдание не открывает им путь к горнему миру. В «Путьх небесных» на пороге новой жизни стоят Вейденгаммер, Вагаев, Кузюмов. В то же время Свидригайлов, старик Карамазов у Достоевского, барон Ритлигер и сводня тётя Паня в романе Шмелёва ограничены своей «горизонтальностью».

Жизнь Вейденгаммера текла привычно до мартовской ночи, когда пространство и время для него сконцентрировались в «булавочной головке света». Реальное расширение пространства («Он не мог оставаться в комнате и выбежал на воздух») не сразу избавляет героя Шмелёва от ощущения внутреннего тупика («ничего», «без выхода») и замкнутого круга. Примечательно, что пространственная динамика здесь противоречиво сочетается с духовной статикой, даже

бездуховностью героя, тогда как духовное движение предполагает пространственную неподвижность или малоподвижность. Ситуация «без выхода» приобретает метафорическое обозначение нравственно-психологического кризиса Виктора Алексеевича. Соотнесение его положения с замкнутым пространством комнаты только подчеркивает безвыходность ситуации. Данное утверждение распространяется и на Дариньку, но в её случае это чулан, где она пряталась от хозяина. Совпадают и «точки кризиса» героев: в ночь на Великий Понедельник предположительно в одно время Вейденгаммер и Даринька находились на грани самоубийства. Выход для обоих – в преодолении внутреннего неблагополучия. В ситуации выбора часто оказываются и герои Достоевского, но у него в этой связи возникает образ порога. Выход может оказаться спасением, а может завести человека в тупик. Такой исход виделся Вейденгаммеру в «кристаллике», Дариньке – в мыслях о водополе. Но если героям все же удалось избавиться от забуждений, то шмелёвский барон Ритлингер, Свидригайлов, Ставрогин и Кириллов Достоевского совершают самоубийство, предпочитая поискам выхода из кризиса пустоту бытия.

Среди вариантов ситуаций, осмысленных автором, рассматривается и такая, когда выходом кажется ложный путь. Именно этот случай описала героиня Шмелева в «Записке к ближним», имея в виду историю с Вагаевым: «В те дни я жила во сне, все выходы для меня закрылись. Когда услышала его (Димы) шаги – почувствовала: вот и выход. Меня повело отчаяние, и я поддалась ему» [9: 234]. Только прозревшей Дариньке открылся единственно правильный, «верный и радостный» выход на свой путь.

Гораздо более страшный соблазн одолел Раскольникова, который посчитал убийство старухи-процентщицы выходом на «новую, независимую дорогу». Путь к будущему возрождению героя «Преступления и наказания» открывает свет Евангельской истины.

В самой Дариньке содержится поворотный момент на пути многих героев романа Шмелёва, в первую очередь Виктора Алексеевича. Встреча с ней делит пространство и время, всю жизнь Виктора Алексеевича на две неравноценные части. В первой – мрак неверия, тоска одиночества и мысли о самоубийстве, во второй – «исход из мрака» и «духовное прорастание». Интересно, что спустя годы Вейденгаммер называет вторую часть «утром жизни», подчеркивая тем самым высокий смысл и значимость грядущих перемен. Встреча с Даринькой является исцелением и для Кузюмова. Кузюмов – «полный нигил», способный оскорбить священство («на тебе, поп, твой целковый, гряди с

миром!») и даже более, «ожечь батюшку нагайкой», вдруг преображается, восторгаясь церковью, поклоняясь святыням [5:137]. Накануне праздника апп. Петра и Павле и происходит «обращение Савла», ведь Кузюмова зовут Павел. Способствует обращению Кузюмова знакомство с Даринькой, напомнившей единственную любовь к Оле Ютовой. Значимо и то, что Кузюмов последний и единственный раз был в церкви, когда отпевали Олю Ютову. Поэтому Даринька, напоминая ему Олю, способна развернуть в душе Кузюмова давно забытое. Виктор Алексеевич писал в своём дневнике: «Её разговор с Кузюмовым поразил меня, как, думаю, и всех. Да и самого Кузюмова. Он вдруг переменяет тон превосходства и стал, затрудняюсь определить: приятней, ясней? Все отмечали эту перемену» [9:373]. Именно новое мироощущение, возникшее после посещения храма и знакомства с Даринькой, побуждает исправить нанесенную мужикам обиду – вернуть покровским землю.

Возвращаясь к «Преступлению и наказанию», важно отметить сходство образов Дариньки и Сони. Соня Мармеладова – воплощение традиционного христианского идеала. В ней подчёркивается заботливость, всепрощение, сострадание к ближним [2:75]. Призвание Сони Мармеладовой, как и Дариньки, – духовное водительство. На пороге этого открытия находится Раскольников: «Он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим, а она – она ведь и жила только одною его жизнью!» [5: 128]. В «Путь небесных» к подобным выводам со временем придёт Вейденгаммер.

И у Достоевского, и у Шмелева пространственно-временные категории расширяются до внеземной и посмертной сферы. Большие возможности для этого представляют сны персонажей. Так, главные события сна Смешного человека разворачиваются на другой планете, крестный сон Дариньки — «будто не на земле, а где-то». В обоих случаях «совершалось все так, как всегда во сне, когда перескакиваешь через пространство и время и через законы бытия и рассудка» [5: 134]. Герои Достоевского и Шмелева умирают во сне, чтобы воскреснуть преображенными. И в том, и в другом случае сны оказывают неизгладимое впечатление на сновидцев, в корне меняя их жизнь. Многочисленные обмороки и припадки героини в полном соответствии с традициями Достоевского тоже можно рассматривать как прорывы в область духовного, где стираются земные представления о времени и пространстве.

Способность к «духовным прозрениям» – постижение сути вещей, знание будущего, приобщенность к реальности, лежащей за пределами обыденного мира нередко называют

«священной болезнью», эпилепсией. Существует мнение, что некоторые юродивые были именно эпилептиками [1:38]. Достоевский, размышляя над путями «восстановления человека», в своём постепенном продвижении от гуманистического идеала цельности человеческого образа к православному, не мог пройти мимо феномена юродства. Раскольников неоднократно называет Соню юродивой. [2:80]. Явление юродства встречается и у Шмелёва, во 2-й части романа.

Дарья и Виктор Алексеевич встретили юродивую, Настеньку, на мосту, когда она чуть не попала под коляску. Даринька была захвачена этой встречей, которая показалась ей знаменательной, и расспрашивала ямщика, почему эта девушка стала юродивой. «А Настенька тихая, болезная, а кто говорит – будто и святая» [9:332]. Встреча была знаменательной не только для Дариньки, но и для Настеньки: «Теперь она будто бы... Вы, Дарья Ивановна, ее видали...мне рассказывали, она Вам попала у моста, как раз в день Вашего приезда, и Вы пожаловали ей белые лилии. Она побежала с ними в церковь. Весь городишко знает, что Вы молились за Настеньку...и до Кузюмовки докатилось, что Настенька наша воздвиглась в уме!» [9:370]. Некоторые признаки «неотмирности» и юродства встречаются и в образе самой Дариньки: в её припадках, видениях, снах. После одного такого случая Даринька рассказала Виктору Алексеевичу, как «увидела все, что с ними будет, но теперь забыла, что видела» [9:330].

Вместе с тем, следует обратить внимание на тот факт, что в романе Шмелёва «Пути небесные» прослеживаются отсылки не только к творчеству, но и к биографии самого Достоевского. Рассмотрим это на примере одного из персонажей романа – Кузюмова: «<...> господина продали главную его часть, что за оврагом, барину Кузюмову, а тот перевел купленных крепостных в свою Кузюмовку, а землю пустил под конопляники, такой-то он был самодравный, да и сынок не лучше <...> папаша одержимым его зовёт и тёмным, что-то от Достоевского» [9:340]. Отец Кузюмова погиб от рук своих крестьян. Как известно, у Ф. М. Достоевского были сложные отношения с отцом, который также трагически погиб. Существенное влияние на формирование духовного мира будущего писателя имела общая психологическая атмосфера в семье, где он родился и рос. Последняя же во многом определялась тяжелым характером отца, который (характер) сложился в значительной мере как следствие своеобразного варианта истории «блудного сына», пережитой в юности Михаилом Андреевичем Достоевским. [6: 29]. Всё это обусловлено тем, что вопреки воле отца-священника (деда писателя), который хотел видеть сына в будущем также

духовным лицом, юный Михаил Андреевич Достоевский решил стать врачом. Закончив духовную семинарию, он тайно от отца бежал из дому в Москву, где поступил в медико-хирургическую академию. Уже закончив её и работая врачом-хирургом, он неоднократно пытался восстановить контакты с отцом, но на свои письма к родителям не получал ответа: отец так и не простил сына...

Можно полагать, что именно тяжелый, нервный характер Михаила Достоевского: угрюмая мрачность, подавленность, с одной стороны, и болезненная мнительность, подозрительность, соединенная с мелочностью, очень осложняли его отношения с окружающими, в конечном счёте это привело к тому, что в начале июня 1839 года он был убит своими крестьянами. Когда это случилось, Фёдору Михайловичу было 18 лет. Вместе с тем, нет письменных свидетельств, опираясь на которые можно было бы говорить об исключительной жестокости Михаила Андреевича с крестьянами [8:24]. По некоторым свидетельствам, первый припадок эпилепсии у Ф. М. Достоевского случился с ним именно тогда, когда он узнал об ужасной смерти отца. [6:30]. Зигмунд Фрейд наверняка бы истолковал этот странный факт тем, что настоящая причина невроза Достоевского состояла вовсе не в жизненных неурядицах, а в Эдиповом комплексе. По мнению Фрейда, Достоевский подсознательно ненавидел своего отца. [1:41]. Как известно, Кузюмов не испытывал теплых чувств к отцу: «когда хоронили его отца, он даже на отпевании не был, до паперти только проводил и не вошёл» [9:357]. Исходя из этого, очевидна взаимосвязь судеб Достоевского и героя Шмелёва. Зигмунд Фрейд упрямо развивает по отношению к Достоевскому свой психоаналитический миф. В этом смысле настоящей находкой для Фрейда оказался последний роман Достоевского – «Братья Карамазовы», которому психоаналитик посвятил особую работу – «Достоевский и отцеубийство». В мировой литературе и в самом деле нет другого более, откровенного обнажения Эдипова комплекса – из четырёх сыновей Федора Карамазова три желают ему смерти. На суде Иван Карамазов, находящийся уже в состоянии безумия, произносит фразу, казалось бы, с головой выдающая самого писателя: «Кто не желает смерти отца?» Именно из Эдипова комплекса Зигмунд Фрейд и вывел психическую болезнь Достоевского. Истоки болезни Достоевского иногда усматривают в детстве писателя и наследственности. Его отец был мрачным, склонным к тяжелой меланхолии человеком, подверженным к тому же внезапным вспышкам гнева. Достоевский не любил говорить о своём отце. Страх и обида подспудно прорываются в его письмах к отцу из Петербурга, сквозь

присутствующий в них подобострастный тон. [1: 42].

В заключении можно отметить, что проведенный анализ свидетельствует о влиянии прозы Ф. М. Достоевского на художественный мир произведений И. С. Шмелёва. Шмелёв придаёт героям «Путей небесных» характерные черты персонажей Достоевского, где пространственно-временная полифония побеждается темой

обретения веры. При этом общая ориентация итоговой книги Шмелева на традиции классика порождает целую серию образных, идейных и сюжетных соответствий. И. С. Шмелёв использует интертекст как художественный прием, при этом он переосмысливает образы и вступает в диалог с литературой XIX века.

Литература

1. Алексеев В. «Священная болезнь» Достоевского / В. Алексеев // Філософські пошуки. – Львів; Одеса, 2002. – Вип. 13. – С. 38 – 56.
2. Богданова О. А. Спасёт ли мир красота? Проблема красоты и женские характеры в романном творчестве Ф. М. Достоевского / О. А. Богданова // Новый филологический вестник. – 2013. – №4 (27). – С. 73 – 93.
3. Дзыга Я. О. Достоевский и Шмелёв: «духовный роман» и агиографическая литература / Я. О. Дзыга // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 5. – С. 203–207.
4. Дзыга Я. О. Творчество И. С. Шмелёва в контексте традиций русской литературы: дис. докт. филол. наук: 10. 01. 01/ ГОУ ВПО Московский государственный областной университет. – М., 2013. – 445 с.
5. Коршунова Е. А. Между классикой и модерном: традиция и интертекстуальность в поэтике прозы Ивана Шмелёва: монография/ Е. А. Коршунова. – Х.: ФОП Бровин А. В., 2013. – 216 с.
6. Матковская И. Я., Губарь О., Голубович И. Религиозно-философские идеи Ф. Достоевского и нравственный мир подольской народной иконы: некоторые проблемы сопоставления / И. Я. Матковская, О. Губарь, И. Голубович // Філософські пошуки. – Львів; Одеса, 2002. – Вип. 13. – С. 29–37.
7. Мусий В. Б. «Кроткая» Ф. М. Достоевского: попытка мифопоэтического прочтения / В. Б. Мусий // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. – №1(212). – 2011. – С. 129–139.
8. Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских/ В. С. Нечаева. – М.: Соцэкпу, 1939. – 159 с.
9. Шмелёв И. С. Собр. соч.: В 5 т./ Иван Шмелёв; Подгот. текста, вступ. ст. Е. А. Осьминой; ред. тома В. П. Шагалова. – М.: Русская книга: Известия, 2004. – Т. 5. Пути небесные: Роман. – 480 с.
10. Щенникова Л. П. Ф. Достоевский и И. Шмелёв: компаративистический аспект / Л. П. Щенникова // СПб: СПбГУКИ, 2012. – С. 174 – 180.